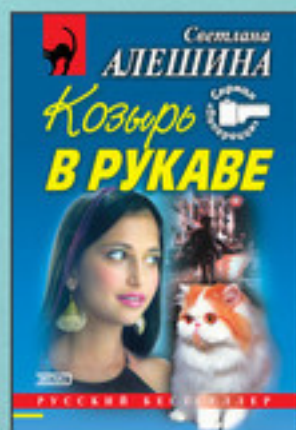

Светлана Алешина

Сезон охоты

Часть сборника
Козырь в рукаве (сборник)

Папарацци

Светлана Алешина

Сезон охоты

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Сезон охоты / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Папарацци)

«...Я прошла в кабинет и сняла куртку. Села на диванчик, стоявший в дальнем углу. Закурила. На душе было прескверно. Смерть сама по себе не слишком-то приятная штука, а когда так нелепо умирают знакомые люди, то и вовсе становится тоскливо. Начинаешь размышлять о смысле и ценности человеческой жизни. Потом приходят более приземленные мысли. О мотивах, движущих убийцей, например. Неужели можно убивать ради обогащения? Мой журналистский опыт говорил, что да, так бывает, хотя в голове это не укладывалось. Я еще могла понять (не оправдать) убийство из ревности или из мести, когда человек действует в состоянии аффекта и в какой-то миг сам не ведает, что творит. Но чтобы убить из-за денег! Какой мелкой и низкой душой надо обладать, чтобы пойти на такое!...»

© Алешина С., 2000

© Научная книга, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Сезон охоты

Глава 1

Все началось с того, что четырнадцатого февраля мы с Маринкой сидели в моем кабинете и строили предположения – одно другого неправдоподобней, – где наши мужчины, куда они, такие обычно предупредительные и благородные, сегодня подевались. Прихотливо-сложная работа нашего воображения не относилась к Кряжимскому и Виктору. С утра пораньше и тот и другой поздравили нас с Днем святого Валентина и пожелали много всего прекрасного и полезного, начиная со здоровья и кончая «долгими годами жизни». Маринка тут же заявила, что не очень-то деликатно таким вот, пусть и дипломатичным, образом напоминать нам о том, что и нас с ней, двух цветущих молодых особ, когда-нибудь настигнут эти самые долгие годы неотвратимого старения.

Виктор немного растерялся, и если бы не его драгоценный дар молчаливой замкнутости, наверняка стал бы заикаться, ища оправдание своему мысленному превращению нас, как выразилась Маринка, в «шамкающих старушенций». Разрядили долгую неловкую паузу в стенах моего кабинета два букета роз и маленькие сувениры, а также договоренность распить в обеденный перерыв бутылку шампанского.

Я тут же водрузила бронзовую статуэтку Амура на стол. Маринка принялась шутливо щекотать своего крылатого крепыша, нашептывая ему на ушко что-то сюсюкающе-дурашливое. Поблагодарив мужчин и заверив их в своей горячей симпатии, мы остались одни. И что уж там говорить: сигарета – за сигаретой, чашка кофе – за чашкой. То ли дым, то ли аромат и бодрящая сила напитка позволили нашему воображению так вольтижировать, только чем дольше мы изводили себя догадками, куда пропали наши рыцари, тем труднее нам было сохранять праздничное расположение духа. «Рыцари» упорно отказывались вспоминать, что еще в четверста девяносто четвертом году Папа Римский постановил включить День святого Валентина в календарь христианских торжеств. Отказывались они также вспоминать и о нашем с Маринкой существовании. Как только телефон начинал подавать признаки жизни, мы вскакивали, хотя такой нужды, ей-богу, не было – аппарат находился под рукой. Мы дергались как полоумные, а узнав, что это очередной рабочий звонок, притухали. Конечно, первым делом нас поздравляли с праздником, но потом сообщали, что должен сделать или чего не должен делать и печатать «Свидетель», какие задолженности надлежит погасить в срочном порядке, сколько денег внести за аренду офиса и так далее. Звонили, правда, и преданные и благодарные читатели нашего еженедельника, поздравляя нас и желая нам... А вот мужики наши, как видно, переживали очередной приступ амнезии. С горькой иронией Маринка поговаривала: «как Валентин или Восьмое марта, так к ним сразу эта латиноамериканская зараза пристаёт».

В общем, мы самым банальным образом хандрили. И что самое неприятное, так это то, что сознание самодостаточности, которое я с таким рвением культивировала в себе и в Маринке, испарялось на глазах, уступая место заурядному чувству покинутости и грусти. Маринка – та еще штучка! Вместо того чтобы пробудить во мне надежду на обретение этого утраченного ощущения гордой уверенности в собственной красоте и правоте, нет-нет да и отпускала разные остроты, намекающие на ущербность нашей с ней самости. А то и просто глядела так, что поневоле в ее взгляде под завесой сочувствия мой догадливый взор различал тусклый огонек злорадства: вот, мол, ты все о том, какие мы классные да независимые, вещала, ан нет, оказывается, не такие уж мы сильные да свободные. Ждем со стороны, то бишь от наших френдов, знаков внимания! Вот, мол, куда твоя наука женского выживания нас завела,

а жизнь-то, она свое берет! А тут еще взяла и выудила из сумки красочный журнал, какие тысячами продают на улицах, и, открыв из каких-то садомазохистских соображений страницу, посвященную Дню святого Валентина, принялась со вкусом, выразительно читать:

– *«Итак, что дарить? Самыми распространенными подарками в этот день являются коробки конфет, плитки шоколада и шампанское...»*

– Смотри-ка, а Виктор с Сергеем Ивановичем проявили завидный вкус и неординарность, – через силу улыбнулась я.

– Ага, – рассеянно проговорила Маринка и принялась читать дальше: – *«Шоколад, конечно, хорошо, но косметика лучше...»*

– Не поспоришь, – уныло прокомментировала я, закуривая новую сигарету.

– *«Допустим, столь любимая женщинами помада. Фирма «Люмене» выпустила в специальной золотой упаковке коллекцию наиболее популярных за последние тридцать лет оттенков классической помады. Ваша спутница обязательно воспользуется этим подарком. Ведь в глубине души все женщины убеждены, что никто лучше мужчин не знает, какие губы им желанней».* – Маринка иронично посмотрела на меня и облизнула свои накрашенные губы.

– Закрой ты этот журнал, – вяло посоветовала я, но в Маринку словно бес вселился:

– *«Несколько лет назад вместе с праздником всех влюбленных к нам пришла и прекрасная традиция дарить драгоценные ароматы. Как же угадать нужный аромат и не ошибиться? Но ведь нигде не сказано, что подарки нужно покупать втайне друг от друга. Сходите в магазин вместе...»*

– Дельный совет, – совсем приуныла я.

– Не с кем идти-то, – адресуя воображаемым «амнезийцам», как именovala она наших знакомых забывчивых мужчин, полупрезрительную улыбку, сказала Маринка.

– А что, если нам сегодня вечером куда-нибудь сходить? «Назло надменному соседу», а?

Я чувствовала настоятельную потребность в воодушевлении. Ничто в данной ситуации, кроме невинной женской мести, не могло поднять мой тонус.

– Это идея! – лукаво сверкнула глазами Маринка. – Как там сказано: «Человек – кузнец своего счастья».

– Но куда?

– В клуб, в кафе, в ресторан, в театр, в кинотеатр... А вначале зайдем в магазин, как советуют вот тут, – тряхнула она журналом, – и «не втайне друг от друга» сделаем себе подарки, – захохотала она.

Я тоже рассмеялась.

– *«Если ваш спутник автолюбитель, – принялась она снова читать, но уже с толикой задорного ехидства, – выберите новый аромат «Бугатти». Дудки! – весело воскликнула Маринка. – Сначала – они нам, а потом – мы им!*

– Ты, наверное, забыла, – жеманно улыбнулась я и приняла кокетливо-аристократическую позу, – там же советуют пойти вместе и не втайне...

Мы снова засмеялись.

– *«Если же мужчина вашей мечты далек от забот автомобилистов, преподнесите ему оригинальный флакон «Адье о зарм» в виде... гранаты».*

– Лучше настоящую гранату, – с сарказмом заявила я.

– Наши «амнезийцы» этого заслуживают! – добавила Маринка, она была теперь возбуждена и полна всяких хитрых и, главное, мстительных замыслов. – *«Вполне может быть, в ответ вас ожидает флакон от Наоми Кэмпбелл с одноименными духа...»*

Маринка не дочитала, потому что в тот самый момент, когда автор статьи перешел к женскому парфюму, зазвонил телефон. Мы беспокойно переглянулись. Я сняла трубку:

– Редакция еженеде...

– Оль, привет, – услышала я взволнованный голос Мишки Коромыслова, журналиста из «Тарасовской были», – надо встретиться...

– Ты хочешь осчастливить меня флаконом от Наоми Кэмпбелл? – пошутила я.

– Че-е? У меня к тебе дело!

– А я думала, сегодня праздник, – мрачно заметила я.

– Какой? Фу ты, черт!

Мишка, похоже, только проснулся.

– Ты все еще в объятиях Морфея, Михаил? – Мой тон снова стал игривым.

– Бойкова, я серьезно, – пробормотал Михаил, – давай завтра, идет? Приезжай ко мне домой в половине одиннадцатого...

– «...приходи на сеновал, не пожалеешь»? – поддела я его. – Ты объяснить-то хоть можешь, что у тебя за дело ко мне, недотепа ты этакий!

– Оль, я в запарке. Давай завтра. Ничего не утаю, – пробубнил он.

– Ну хоть намеки, – зловредно хохотнула я, – ты думаешь, так легко мне с моим подорванным здоровьем ни свет ни заря навещать молодых сексапильных...

Мишка, к моему глубокому удивлению, не заржал, даже не усмехнулся.

– У тебя что, чувство юмора отшибло? – продолжала я действовать ему на нервы.

– Оль, говорю, занят. Я тебе бомбу предлагаю! – нетерпеливо сказал он.

– А я думала – гранату, – усмехнулась я.

– Че-е? – растерялся Мишка.

– Серьезен ты, брат, не по годам! Вот чего.

– Приедешь? Это важно. Как раз для тебя!

– Подарочек к Дню святого Валентина? – ехидно полюбопытствовала я.

– Ах да, мне сегодня в клуб! – спохватился мой суетливый абонент.

– Может, в клубе и свидимся? Ты куда идешь?

– В «Покер».

– Не-е, в «Покер» не пойду, – раздумчиво протянула я, – больно публика там шальная собирается, ладно, раз ты такой настырный, завтра приеду. Ну хоть стоящее что-то?

– А то! – возбужденно воскликнул Михаил.

– А почему тогда не сегодня?

– Полной информацией я буду располагать только завтра утром.

– О'кей! – согласилась я.

– Жду.

В трубке раздались гудки.

– Этот, как его, Коромыслов, что ли? – незаинтересованно поинтересовалась Маринка.

– А то кто ж! Вечно куда-то спешит.

– Он и ко мне когда клинья подбивал, ну, помнишь, мы в «Северном сиянье» мой день рождения справляли, все торопился куда-то. Поехали, мол, займемся... Ха-ха! Чего, говорит, время-то терять? Я от тебя, то есть от меня, – Маринка горделиво выпятила губы и ткнула себе в грудь большим пальцем правой руки, – торчу. Так и сказал!

– Что-то ты мне раньше о таком не рассказывала, – недоверчиво усмехнулась я, – придумала, что ль, недавно?

– Вот еще! – обиженно передернула она плечами. – На самом деле.

То, что Коромыслов – непоседа, выпивоха, бабник, я знала, конечно. Но, кроме всего прочего, он был довольно подкованным в смысле ухаживания и светской обходительности товарищем, поэтому сообщение Маринки вызвало у меня сомнение. Может быть, его хваленая галантность в тот достославный вечер, когда он решил ее соблазнить – я бросила на Маринку почти нежный взгляд, – уступила место чему-то более сильному и неборимому? Инстинкту, например, или хамству?

Коромыслов слыл талантливым журналистом. Злые языки поговаривали, что он якобы продан. Я не могла ни подтвердить эти слухи, ни опровергнуть их. Встречалась я с ним не часто и, чего уж греха таить, репортажей его не читала. На мой взгляд, в Тарасове он не самый одаренный и интересный журналист. Да и материал в иных статьях подавался с такой виртуозной остротой и смелостью, что несколько приглашенные опусы Коромысова – а с ними мне все же пришлось познакомиться года два назад – не вселили в меня желания продолжать это знакомство. Стилль его тоже мне не нравился. Выспренный, расплывчатый, задыхающийся от ложной патетики и обильных цитат, он живо напоминал мне фатоватую развязность самого автора. Прав Бюффон, сказав, что стиль – это человек.

– Что, к себе на хату приглашает? – ехидно спросила Маринка.

– Дело, говорит, есть.

– Ох, – скептически махнула она рукой, – известно, какие у таких хлыщей дела!

– Нет, дело серьезное. Я почему-то верю, – задумчиво произнесла я.

– Верь-верь, – вздохнула Маринка, – так куда сегодня идем? – вернулась она к нашему прежнему разговору.

– Да можно в «Мехико»... или в «Табу».

– Ну и названия у этих клубов! – поморщилась Маринка. – А в этом «Мехико» что? – с капризной детской интонацией спросила она.

– Мексиканская кухня. Мне в прошлый раз понравилось.

– Ну так пошли! – Маринка довольно улыбнулась и, поднявшись с кресла, пошла варить очередную порцию бразильского напитка.

* * *

Наш поход в «Мехико» закончился вполне мирно, если не считать небольшой перепалки с подвыпившими «рыцарями», в которой Маринка отстояла-таки наши священные женские права. Я вернулась в одиннадцать вечера и тут же рухнула на постель, разочарованная и смущенная. Наша «месть» не осуществилась. Мой сотовый пару раз все-таки пикинул, отзываясь на дежурные поздравления френдов моим усталым голосом. Оба моих знакомых коротали время в кафе, как я поняла, в обществе веселых девиц. Судя по всему, особого желания видеть меня они не испытывали. Не раз доводилось мне слышать от мужчин, что со мной непросто. Фу-ты, ну-ты! Что же теперь, поглупеть, чтобы быть любимой и счастливой? Ни за какие коврижки!

Утром меня, как всегда, поднял самый верный, но очень шумный друг – будильник. Мне даже пришла как-то в голову мысль окрестить его. Например, Васей или Колей. Ладно-ладно, Васек, не шуми, встаю. Я сделала для проформы несколько не самых сложных упражнений и залезла под душ. Есть не хотелось. По сравнению с мексиканской кухней любая стряпня покажется сейчас чудовищно пресной. Нацепив бордовый, крупной вязки свитер, кожаные брюки, а поверх – куртку, я вышла из квартиры. Неизменный «Никон» висел на моем хрупком девичьем плече и придавал мне в глазах обывателей интригующий колорит. Еще один старый друг, с ленивой грустью подумала я.

Моя «Лада», как всегда, дожидалась меня во дворе. Я запустила двигатель и закурила. Взглянула на часы. Десять пятнадцать. Недурно ты, девушка, поспала сегодня. Не всякий раз удастся тебе вот так беззаботно наслаждаться сладкой утренней дремой. Конечно, я бы поспала еще... Выехав со двора, я направилась на Шевченко.

Радиостанция «Европа-плюс-Тарасов» выдавала на-гора музыку и новости. До Мишкиного дома оставалось минут пять езды, когда начался информационный блок. Я прибавила громкость – новости мне необходимо слушать при любой возможности в силу моей профессии. Так, война в Чечне, которую до сих пор называют антитеррористической операцией, входит в

завершающуюся стадию. Дальше – количество претендентов на престол, то есть на должность президента страны, по мнению председателя ЦИК, не превысит пятнадцати. Российский танкер, перевозивший контрабандную нефть, еще не разгрузился по причине морских волнений. Среди претендентов на место тарасовского губернатора (ага, это уже как-то ближе), выборы которого состоятся одновременно с президентскими, один коммунист, один центрист и один правый – всего четверо, вместе с нынешним губернатором Дмитрием Парамоновым. Закончился информационный блок сообщением о погоде, а прежде прошла криминальная хроника. Вчера, сообщил диктор, около двадцати одного часа в районе супермаркета «Поволжье» патрульной группой милиции при задержании был смертельно ранен некий гражданин Гулько, сбежавший несколько дней назад из мест лишения свободы. Вот горемыка, подумала я, потянуло тебя шляться по центру города. Я не стала слушать сообщения синоптиков и выключила приемник, потому как доехала, а погода уже неделю стоит неизменная и совсем не зимняя – около нуля.

Миша жил в огромной девятиэтажке, протянувшейся на целый квартал. Оставив машину у подъезда, поднялась на лифте на четвертый этаж. Позвонила.

Если начнет приставать, решила я, тут же уйду. Вчерашнее Маринкино замечание меня как-то неприятно задело. Оно подкрепило мою инстинктивную антипатию к Михаилу еще одним мнением. Не скрою, это (то, что мое отношение совпало с Маринкиным) придавало мне уверенность. Ведь там, где двое, как писал Ницше, там и правда (юридически доказательная). Не буквально, конечно.

Я позвонила снова. Где-то наверху хлопнула стальная дверь, и пригнанный мной на четвертый этаж лифт, внимая настоятельному призыву горячей кнопки, стал подниматься. Я в третий раз нажала на кнопку звонка. Какого черта! Шутки вздумал шутить? Если обстоятельства изменились, мог бы позвонить! Дверь у Миши не стальная, а простая, деревянная, обитая черной кожей. Я механически взялась за ручку и дернула на себя.

О чудо! Дверь открылась. Я вошла в прихожую.

– Коромысло, хватит прикидываться, я уже здесь! Ты где?

Я заглянула в комнату справа по коридору. Никого. Тогда прошла в гостиную и... обмерла. В комнате царил вызывающий беспорядок. Все вещи, казалось, повинувшись мощному дыханию урагана, покинули свои узаконенные человеческой привычкой места и, отдавшись суматошной пляске, упали там, где их оставил внезапно покинувший гостиную тайфун. Книжки, аудио- и видеокассеты, дорогая разбитая посуда, нещадно вываленная из антикварных буфетов, валялись на полу. На вспоротой обивке разноцветного дивана красовалась картина – ее полотно зверски изрезано – и куча разнообразных мелочей: статуэтки, фото, брелок, клочки бумаги, ручки, карандаши. Рядом, на ковре, «отдыхала» ваза для писчих принадлежностей.

– Ми-ша, – прерывистым шепотом позвала я.

Я ринулась на кухню. Такой же бардак. Потом в ванную. Включила свет и чуть не потеряла сознание, увидев хозяина с перерезанным горлом, плавающим в ванне в чем мать родила. На полочке в ряду гелей, кремов и одеколонов стояли женские дневные духи «In the clouds». «В облаках» то бишь. Название этого парфюма мне показалось иронически-зловещим. Оно словно намекало на нынешнее местопребывание души Коромыслова. На стиральной машине «Ардо», застеленной маленьким голубоватым пледом, валялось Мишино барахло. Я осторожно, двумя пальцами, поддела попеременно несколько вещей и снова опустила. Ах ты, черт! Подняв рубашку со следами коралловой помады, я обнаружила атласный комочек. Миша явно не мог носить шелкового белья. Это ж извращение! Я подцепила белый атласный клочок – женские трусики. Вот те на!

Я выбежала из квартиры и закрыла за собой дверь. Сердце бешено колотилось в горле.

Только этого мне не хватало!

Спустившись вниз, я из машины позвонила в милицию, чтобы сообщить о происшествии, а потом в редакцию.

– Марин, я задерживаюсь, – сообщила я секретарше.

– Все-таки он тебя уговорил, – с ехидцей в голосе заметила Маринка.

– Нет, не уговорил, – быстро сказала я, – некому было уговаривать.

– Что, не застала, что ли? – удивилась Маринка.

– Не то чтобы не застала, – проговорила я, – только вот говорить он не может.

– А-а, – предположила Маринка, – Мишенька в клубе вчера так накушался, что сегодня лыка не вяжет.

– Он не может говорить по другой причине, – поспешно сказала я, – кто-то его зарезал.

– Дела-а!.. – только и смогла выдать из себя Маринка.

– Я вызвала ментов, придется теперь все им объяснять и доказывать, что я не верблюд.

– Могла бы не представляться, – нравоучительно произнесла Маринка, – тебе что, в первый раз, что ли?

Она права: за свою не слишком долгую журналистскую деятельность мне приходилось наткаться на бесхозные трупы. Бывало и такое, чего уж скрывать, что я не называла себя сотрудникам милиции по телефону и не ждала их приезда. Но это случалось лишь в исключительных случаях, при особом стечении обстоятельств, когда, не разобравшись, менты могли навешать на меня всех чертей. Сейчас все по-другому. И мне стало неприятно, что Маринка предлагает мне такое.

– Ладно, – осадила я ее, – кончай трепаться. Мишка, между прочим, мой коллега. Каким бы он ни был, хорошим или плохим, он не заслуживает, чтобы его бросили на произвол судьбы.

Хотя, по большому счету, добавила я про себя, сейчас ему до этого нет никакого дела.

– Да я понимаю, – поникшим голосом отозвалась Маринка, – Мишка-то неплохим парнем был.

– В общем, – закончила я этот не слишком приятный разговор, – ты знаешь, где я.

* * *

Я доставала вторую сигарету, когда во двор въехал милицейский «УАЗик».

– Не слишком-то вы торопитесь. – Я вышла навстречу лейтенанту с мелкими, почти детскими чертами лица.

– Если мне правильно передали, у вас здесь жмурик? – ухмыльнулся он. – Ему торопиться некуда.

– Зато преступник успеет до Сан-Франциско добраться, – покачала я головой.

– Так это не суицид? – посерьезнел лейтенант.

– Наверное, покойный искал свою любимую расческу, – с издевкой произнесла я, – а когда не нашел, забрался в ванну и перерезал себе горло. От безысходности.

– Ладно, не кипятись, девушка, – вздохнул лейтенант, – пойдем посмотрим.

– Меня зовут Ольга Юрьевна. – Я специально добавила отчество, чтобы поставить его на место.

– Будем знакомы, – то ли он не понял, то ли не обратил внимания на мой тон, – лейтенант Приходько Петр Иванович. За мной, – махнул он еще двоим, вылезшим из машины, один из них был в гражданской одежде с большим «дипломатом» в руках.

Когда мы поднялись на четвертый этаж, лейтенант вышел из лифта первым.

– Ручку трогала? – строго посмотрел он на меня.

– Интересно, – пожала я плечами, – как бы я смогла войти, если бы не прикасалась к ней?

– Логично, – поджав губы, произнес лейтенант и вошел в прихожую.

– Ванная там, – кивнула я в сторону двери.

Приходько приоткрыл ее и заглянул внутрь.

– Начинай отсюда, капитан, – обратился он к мужчине в штатском, – а мы комнаты осмотрим.

Пройдя по коридору, лейтенант завернул в гостиную. Я двинулась за ним.

– Здесь что-нибудь трогала? – посмотрел он на меня, но не так строго, как на лестничной площадке.

Я отрицательно покачала головой.

– Хорошо, – произнес лейтенант, то ли одобряя, то ли просто для того, чтобы наполнить квартиру, где есть покойник, своим живым бодрым голосом.

Затем он бегло осмотрел кухню, коридор и спальню и вернулся в гостиную. Нашел на столе свободное место, положил на него несколько бланков, извлеченных из папки, и опустился на стул. Несколько минут Приходько молча писал, не обращая на меня никакого внимания, потом поднял голову.

– Ты бы присела, – озабоченно произнес он, оглядывая комнату, – в ногах правды нет.

Я выдвинула стул из-за стола и села.

– Ольга Юрьевна, – лейтенант остановил на мне взгляд, – как твоя фамилия-то?

Гляди-ка, запомнил, как меня зовут, удивилась я, а мне показалось, что пропустил мимо ушей.

– Бойкова, – назвала я свою фамилию.

Я уже хотела высказать ему, что думаю о его манерах, но лейтенант вдруг перешел на официальный тон:

– Место работы, должность?

– Еженедельник «Свидетель», главный редактор.

– Вы знали покойного?

– Да. Он тоже журналист.

– Вы договаривались встретиться с ним сегодня?

– Он позвонил мне вчера и предложил прийти к нему в одиннадцать часов.

– Зачем? – Лейтенант поднял голову от писанины и пристально посмотрел мне в глаза.

– Миша сказал, что у него есть для меня информация.

– Он говорил о чем-то конкретном?

– Нет, но сказал, что это очень важно.

– Он хотел вам продать информацию? – поинтересовался лейтенант как бы между прочим.

– О продаже разговора не было, – убедительным тоном ответила я. – И вообще, между журналистами это не принято – продавать информацию друг другу. Если ты по каким-то причинам не можешь опубликовать материал в своем издании, обычно отдаешь его другим, как бы в долг. При случае коллега тоже с тобой поделится.

– В какое время он вам звонил?

– Незадолго до обеда, – сказала я.

– Кто-нибудь присутствовал при вашем разговоре?

– Моя секретарша. Хотите с ней поговорить?

– Нет, – он покачал головой, – пока нет. Ну что там, Леня? – спросил он вошедшего в гостиную капитана.

– Смерть наступила предположительно между часом и тремя ночи, – отрапортовал Леонид, расчищая на диване место для своего чемоданчика, – точнее можно будет сказать после вскрытия. Я бы рискнул определить время смерти более точно, если бы знал, какой температуры была вода, когда его опустили в ванну.

– Опустили? – переспросил лейтенант.

– Его сначала ударили по затылку, в ванне это не сделаешь, – пояснил капитан, – а уж потом перерезали горло.

– Интересно, – произнес Приходько, выпятив губы, – зачем тогда весь этот цирк на воде?

– Может, потом полоснули по горлу, – предположил капитан, – чтобы уж наверняка. Ты еще долго? У меня там понятые ждут. Или пойду пока на кухню?

– Вот-вот, – согласился Приходько, – давай пока на кухню. Так, – он снова уткнулся в протокол, а потом перевел взгляд на меня, – значит, что вам хотел сообщить Михаил... – он посмотрел свои записи, – ...Коромыслов, вы не знаете...

– Не знаю.

– И даже не предполагаете?

– И даже не предполагаю.

– А он вам не говорил о своих планах?

– Вечером он собирался в «Покер».

– Он что, играл в карты?

– Миша был сильным бильярдистом, – не скрывая сожаления, произнесла я, – а в «Покере», кроме карточных столов и рулетки, есть и несколько бильярдных столов.

– Ага, – промычал лейтенант, как будто мой ответ натолкнул его на какую-то оригинальную мысль, – Коромыслов играл на деньги?

– Вот этого не знаю, – честно призналась я, – в таких заведениях я с ним не встречалась.

– А где вы с ним встречались?

– Иногда на презентациях, – задумалась я, – а последний раз, кажется, на выставке.

– Когда это было? – дотошно выпрашивал лейтенант.

– В начале зимы, – вздохнула я, – это можно уточнить по записям.

Мы перебрались на кухню, чтобы освободить гостиную для капитана, после чего лейтенант еще почти час мурлыкал меня вопросами. Среди них попадались, как мне показалось, откровенно глупые, но в основном все-таки спрашивал по делу. Из коротких фраз, какими Приходько обменивался с капитаном, я поняла, что квартира Миши Коромыслова ограблена, но как-то странно: в шкафу обнаружена небольшая сумма в долларах, ее грабители почему-то не тронули, еще несколько довольно дорогих вещичек вроде золотых часов и ручки «Паркер» капитан нашел в спальне. Лейтенант дал мне подписать показания, записанные с моих слов, и проводил до двери.

– Если что-нибудь вспомните – звоните. – Он протянул мне листок с номером телефона. – Может быть, мне еще придется вас побеспокоить, – добавил он.

– Конечно, я понимаю, – кивнула я и вышла на лестничную площадку.

Глава 2

– Тебе звонил Егоров, – сообщила Маринка, когда я вошла в приемную.

Павел Егоров – корреспондент крупной газеты «Журналист», владельцем которой являлась торгово-промышленная группа, поддерживавшая губернатора. Поэтому хотя Павел как мастер своего дела мне импонировал, но как ангажированный для поддержания чести и достоинства губернатора внушал мне если не недоверие, то уж неодобрение – точно. Ему приходилось писать откровенно хвалебные, а то и подбострастные статейки или же пасквили на противников Парамонова, а таких в принципе не так уж и мало.

– Чего он хочет? – без энтузиазма поинтересовалась я.

– Он не сказал, – бросила Маринка, – просил позвонить, когда вернешься.

– Ладно, позвоню, – кивнула я, – а ты пока сделай кофе.

Я прошла в кабинет и сняла куртку. Села на диванчик, стоявший в дальнем углу. Закурила. На душе было прескверно. Смерть сама по себе не слишком-то приятная штука, а когда так нелепо умирают знакомые люди, то и вовсе становится тоскливо. Начинаешь размышлять о смысле и ценности человеческой жизни. Потом приходят более приземленные мысли. О мотивах, движущих убийцей, например. Неужели можно убивать ради обогащения? Мой журналистский опыт говорил, что да, так бывает, хотя в голове это не укладывалось. Я еще могла понять (не оправдать) убийство из ревности или из мести, когда человек действует в состоянии аффекта и в какой-то миг сам не ведает, что творит. Но чтобы убить из-за денег! Какой мелкой и низкой душой надо обладать, чтобы пойти на такое!

– Ну, что там? – Маринка принесла две чашки кофе, вазочку с печеньем и устроилась рядом со мной на диване.

– Мишку ограбили, – грустно произнесла я, – ночью.

– Вот гады, – возмутилась Маринка, – я бы таким устраивала показательные казни на площади, как раньше.

– По статистике, – я меланхолично посмотрела на нее, – чем строже наказание, тем больше совершается тяжких преступлений.

– Получается, что преступников не надо наказывать! – негодуя воскликнула Маринка. – Ерунда какая-то.

– Да, – удрученно сказала я, – перед государством стоит в этом плане трудная задача.

Я взяла чашку и сделала несколько маленьких глотков. Кофе, как всегда, у Маринки получился что надо. Тут же поймала себя на мысли, что сейчас не самый подходящий момент, чтобы восхищаться вкусовыми ощущениями, но так уж устроен человек. Не может он постоянно скорбеть или постоянно радоваться. Любое состояние со временем превращается в свою полную противоположность. И ничего с этим не поделаешь.

– Ты Егорову звонила? – напомнила мне Маринка.

– Сейчас не до этого, – отмахнулась я.

– Ну, что ты так раскисла, Бойкова? – Маринка тоже взяла чашку с кофе.

– Что же мне теперь, надеть веселую маску? – поддела я ее.

– Ну, зачем маску, – отпарировала она, – займись каким-нибудь делом, отвлекись.

Переливчато запиликал телефон, и Маринка сняла трубку.

– Егоров, – шепнула она мне, зажав микрофон ладонью, – будешь говорить?

– Давай, – я поставила кофе на стол и взяла трубку. – Привет, Павел Анатольевич. Что скажешь?

– Скажу, скажу, – торопливо произнес Егоров, – только не по телефону. Есть чудненькая сенсация.

– Ну так и печатай ее сам, – без энтузиазма произнесла я. – В чем же дело?

- Ну ты за кого меня держишь, Бойкова, – обиделся Егоров, – не помнишь, где я работаю?
- Материал против местных властей? – предположила я.
- Я этого не говорил, Бойкова, но ты не пожалеешь.
- Ты откуда звонишь, Паша?
- Из автомата, – таинственно произнес Егоров.
- Ладно, – согласилась я, – давай твою сенсацию, только ты знаешь, я слухами не занимаюсь.
- Какие слухи, девушка? Есть человек, у которого имеются все необходимые бумаги. Ну, так я подъеду?
- Давай, – согласилась я, – только через часок, не раньше. Я должна немного прийти в себя.
- Что-нибудь случилось?
- Вчера ночью в своей квартире убили Мишу Коромыслова, я сегодня полдня объяснялась с ментами.
- Мишку? – обалдел Егоров. – Я его два дня назад видел. Об этом уже кто-нибудь писал?
- Сомневаюсь, я только что была у него на квартире.
- Тогда вот что, – собранно сказал Павел, – я пообедаю и подтянусь к тебе. Ты никуда не слиняешь?
- Жду!

* * *

Я не стану утомлять вас рассказом о моем коллеге Егорове Паше. Скажу лишь, что человек он в принципе неплохой (как принято говорить о людях, способных поддержать общее веселье, кстати улыбнуться или пожать кому-нибудь руку), в своем деле собаку съел, но вот что касается нравственных ориентиров... Жизнь, что ли, так его заела, то есть семейные заботы? Но ведь в конце концов решает-то сам человек, поддаться ему на искушения судьбы и своего профессионального положения, уступить ли воле обстоятельств или следовать своим маршрутом.

Если о том, продался ли Коромыслов, я определенно ничего сказать не могу, то уж о беспринципности и жадности Егорова знаю не понаслышке. В Егорове много фальшивого и показного, тем не менее он умеет ладить с людьми. Но это завидное качество, эта дьявольская коммуникабельность поставлены на службу сугубо прагматическим интересам. А может, именно стремление из всего извлекать выгоду как раз и заставляло Пашу проявлять чудеса сговорчивости и общительности? Что считать причиной, а что следствием? Или, как Ницше, плюнуть на причинно-следственный ряд и увидеть эти два свойства тесно переплетающимися, дополняющими друг друга и дающими друг другу импульс к существованию?

Эта извечная «задняя» мысль, приобретающая в светлой Пашиной голове статус особой извилины, и была причиной того, что при общении с ним возникала часто та досадная неловкость, то стыдливое замешательство, какое обычно испытывают искренние и открытые люди, когда видят на лице завязанного лицемера и честолобца широкую улыбку и чувствуют на своем плече его благожелательно похлопывающую руку.

Выгода и польза настолько проели Пашины мозги, что его нельзя даже назвать коварным или вероломным, хотя, думаю, в иных, наиболее ответственных или критических случаях он мог бы позволить себе какое-нибудь невинное предательство. Вот опять этот эпитет «невинное»! А иначе не скажешь. Пашины интересы, очень земные и очень понятные испорченному противоречиями социалистического режима обывателю, выглядят такими естественными и по-детски эгоистичными, что язык не поворачивается назвать Пашу гадом и сволочью.

Я уже предвкушала дежурную Пашину улыбку, его снисходительный тон, задиристый блеск в глазах. Вот сейчас он войдет в кабинет со словами «всем привет!», повесит на вешалку свою короткую дубленку и, пригладив не по годам редкие пряди пепельно-русых волос, усядется в кресло, забросив ногу на ногу, и состроит лукавую мину.

Но прошло достаточно времени, а Егоров не появлялся. Я набрала номер «Журналиста» и услышала: «Егоров полтора часа как вышел».

Где его черти носят? Или заглотил какую-нибудь новую наживку? Скандальчик или памфлетик с умеренной критикой властей и надеждой на устранение недостатков в местном капиталистическом строительстве? Ждать мне надоело, я поплелась к Кряжимскому. Обсудила с ним события текущего дня, поговорила о Коромыслове, его невеселой кончине и о том, что Егоров все-таки отъявленная скотина, раз заставляет меня столько ждать. Мы обменялись замечаниями по поводу очередного номера «Свидетеля», подсадовали на отсутствие острого материала и, выпив по чашке кофе, занялись каждый своим делом.

– Ну что, Егоров тебя надул? – съехидничала Маринка, когда я вернулась в свой кабинет.

– Ты как хочешь, – вскочила я, – а я иду обедать! Не могу же я целый день глушить кофе! У меня перед глазами темные круги уже. Я, между прочим, сегодня не завтракала, не успела, – соврала я в припадке жуткого недовольства всем происходящим.

– Зато показания успела дать, – усмехнулась Маринка, – что ты на меня-то орешь? Я, что ли, виновата, что тебя Егоров дурачит? Слышь, – вдруг понизила голос Маринка, – а может, он того?..

Она застыла в кресле с испуганно вытаращенными глазами.

– Чего того? – похолодела я. – Не мели чепуху!

Я глубоко вздохнула, пытаюсь отогнать от себя подброшенную Маринкой мысль, и стала собираться.

– Если Егоров вдруг позвонит, скажи, чтоб звонил мне на сотовый, – деловым тоном сказала я Маринке, которая все еще не могла опомниться от сделанного ею страшного предположения.

– О'кей, – рассеянно процедила она, – только навряд ли он объявится.

– Это почему? – резко спросила я.

Она пожала плечами и злое расхохоталась. Похоже, нервы у всех – ни к черту! Я вышла из редакции в отвратительном настроении.

* * *

Егоров действительно не объявился. Я решила предать забвению эту глупую историю. Вернувшись в редакцию с бутербродами – есть в кафе почему-то было выше моих сил, – я пригласила Маринку. Она обрадовалась, увидев пакет с едой.

– Вот, – достала я из сумки кубики «Галлины Бланки», – сделай бульон, а то мы так наши желудки загубим.

Маринка выскочила из кабинета. Несмотря на мою решимость не вспоминать больше о Егорове, мучимая любопытством, я все же позвонила в «Журналист».

– Будьте добры Егорова.

– А кто спрашивает? – тоскливо поинтересовались на том конце провода.

– Бойкова, еженедельник «Свидетель».

– Вы знаете, – голос секретарши дрогнул, – произошло несчастье. Нам сообщили, что Егоров Павел Анатольевич около двух часов назад сбит машиной в районе Сенного рынка.

– Что-о? – теряя способность соображать, заорала я.

– Да, – ответил траурный голос секретарши, – мы очень сожалеем.

– Что с ним?

– Павел Анатольевич умер, – последовал трагический ответ.

– У-умер?! – отшатнулась я и, спохватившись, добавила: – Ах да, спасибо.

Я бессильно опустила трубку на рычаг, не в силах поверить в то, что услышала. Ну и дела! – чтобы совсем не скиснуть, возмутилась я. То один, то другой! И главное, все перед тем, как погибнуть, звонят мне и договариваются о встрече! В чем же дело? В той информации, которую они хотели мне передать? А может, просто совпадение? Да нет, не верится что-то. Тут в дверь осторожно протиснулась Маринка, неся две пиалы с «Галлиной Бланкой».

– Что с тобой? – внимательно посмотрела она на меня.

– Что-то мне есть уже не хочется...

– Что такое? – Маринка не сводила с меня недоумевающих глаз.

– Егоров погиб. – Я откинулась на спинку кресла и бессмысленно уставилась в потолок.

– Я ж тебе сказала... – Маринка пододвинула мне пиалу.

– Не время иронизировать! – прикрикнула я на нее.

– Я же не виновата, что у меня интуиция такая! – обиделась она. – Что с ним стряслось?

– Сбила машина, – вздохнула я.

– Кто его знает, – философски заметила Маринка, поднося губы к краю пиалы, – может, лицу переходил неосторожно...

– Ага, неосторожно, – насмешливо взглянула я на нее, – только раньше, как видно, он проявлял бдительность, а неосмотрительность проявил как раз тогда, когда шел ко мне на встречу.

– Когда-то все в первый раз случается, – пожала плечами Маринка.

– Твое замечание ничего нам не дает, – выразила я недовольство Маринкиной беззаботностью, – нужно по существу думать, а не ссылаться на вековую мудрость...

– Вот и думай, – фыркнула Маринка, – а я «Бланку» поем.

– Как не заладилась день, так уж не жди ничего хорошего! – прикусила я губу. – Но какого черта такому осторожному человеку, как Егоров, держать у себя опасную информацию, которая стоила ему жизни? И не просто держать, а вознамериться передать ее «Свидетелю».

– Выторговать себе, наверное, чего-нибудь хотел, – ответила практичная Маринка, – ты – мне, я – тебе. Вот его принцип. А может, думал, ты ему за эти материалы кучу бабок отвалишь. Сколько видела его, столько изумлялась... Кот, объевшийся сметаной, не иначе!

– Но зачем коту так рисковать? – продолжала я недоумевать.

– Ну я же тебе сказала! – потеряла терпение Маринка. – Ешь давай. Че нам теперь, из-за всех этих папарацци и того, что с ними случается, голодать?

Я последовала настоятельному совету моей мудрой и вздорной секретарши.

– Не забывай, что мы сами папарацци, – сделав несколько глотков, все-таки возразила я ей, – интересная история, скажу я тебе. В квартире Коромыслова я обнаружила женские духи и трусики. Вчера он был в «Покере».

– Ну и что? – спросила Маринка, уплетая бутерброд. – Играл в бильярд, веселился, подцепил кого-то... Что здесь необычного?

– Если у него была какая-либо ценная информация, или даже опасная, я бы сказала, что не стоило ему рисковать идти в клуб да еще приводить кого-то домой.

– О господи, Бойкова, зачем, почему! Ты что, мужиков не знаешь? Коромысло, по всей видимости, человек азартный и до баб охотник. Пошел в клуб разрядиться, – сказала Маринка с набитым ртом.

– Не похоже...

– Да что ты такая мнительная! – прожевав кусок бутерброда, с досадой воскликнула она. – Ешь вон лучше!

– Может, он должен был с кем-то встретиться? – сделала я предположение.

– Мо-ожет, – лениво отозвалась Маринка.

– А что, если нам с тобой сегодня прогуляться в клуб?

У Маринки заблестели глаза, но потом природная осторожность и практичность взяли верх:

– Чтобы и нас укокошили?

– Кому мы нужны? Расспросим, был ли Коромыслов вчера в «Покере», что делал, с кем встречался...

– Охота тебе, Бойкова, подставляться! – выпятила губы Маринка. – Убили и убили. Нас это не касается. Что, мы теперь должны каждое убийство в городе расследовать?

– Решено, идем в «Покер». Вообще-то ты можешь не идти, – я лукаво скосила на подругу глаза.

– Как бы не так!

– Возьмем Виктора для гарантии. Ты не против?

Маринка засмушалась.

– Раз надо, значит, надо, – выразительно вздохнула она.

* * *

Принарядившись и наштукатурившись, мы отправились в клуб. Виктор неодобрительно косился на нас, пока мы, благоухая, как два куста лаванды, и обмениваясь ироническими замечаниями, сидели в машине. Слава богу, что он молчун! Иногда это его качество, которое в других обстоятельствах могло изрядно разозлить, вселяло бодрость, создавая иллюзию надежной молчаливой поддержки. Если бы еще взгляд его был чуть помягче!

– Веди себя естественно, – давала я Маринке указания, – надолго никуда не отлучайся. Не забывай, зачем мы в клубе. Публика там... сама понимаешь! Поэтому будь сдержанна и вежлива. Не груби никому, а то костей не сосчитаем.

– Да что ты меня пугаешь? – раззадорилась Маринка. – Как будто в первый раз!

Виктор остался в машине. По контуру золотых букв вывески бегали синие огоньки. Мы поднялись по ступеням из черного мрамора. В мерцающей мертвенно-зеленым светом витрине были выставлены два манекена, мужчина и женщина. Гладкое «тело» женщины открыто для обозрения. Мужчина, голова которого напоминала голову Мефистофеля, задрапирован в черную тогу. Ее широкие складки падали на черный бархат, застилавший пол витрины. Мужчина самодовольно и даже, я бы сказала, зловеще улыбался. У ног его веером разбросаны карты. Здесь же лежали небольшие разноцветные шары. В другой витрине висел макет бильярдного стола, подвешенный на веревках, обвитых зеленым плющом. На переднем плане, охваченные невидимой леской, бильярдные кии составляли причудливую композицию из прямых линий и острых углов.

Я еще раз поздравила себя с тем, что я женщина: вход для представительниц слабого пола – бесплатный.

– Мелочь, а приятно, – ехидным шепотком прокомментировала Маринка, расстегивая шубу.

Получив номерки, мы прошли в бильярдный зал.

Клуб только-только начал заполняться людьми. В бильярдном зале имелась стойка и несколько столиков поодаль от трех столов, покрытых зеленым сукном. Над одним из них уже корпели два стриженных затылка. За стойкой мой острый взгляд различил белую рубашку и черную жилетку бармена. Мы прошли к стойке.

– Для начала неплохо бы чего-нибудь выпить, – сказала я, – возьмем вина, например.

– Я не возражаю, – кокетливо улыбнулась Маринка, стреляя глазками в бармена.

– Чего желают милые барышни? – любезно обратился он к нам.

– Два бокала «Ахашени».

– О'кей!

Бармен бодро и ловко откупорил бутылку.

– Мы готовим отличные коктейли, – улыбнулся он белозубой улыбкой, – так что если хотите... – он пододвинул нам лист с перечнем коктейлей.

– Мы предпочитаем не смешивать, – спокойно ответила я.

– А мне интересно, – жеманным жестом Маринка взяла со стойки лист и опустила в него глаза.

Парень еще раз улыбнулся. Улыбка получилась меланхолично-извиняющейся. Словно он хотел сказать, мол, что поделаешь, вкусы у всех разные.

– Увлекаетесь бильярдом? – обратился ко мне бармен, посчитав внимательно изучающую список коктейлей Маринку неспособной сейчас вести с ним беседу.

– Отчасти, – со вздохом пожала я обнаженными плечами и поправила съехавшую накидку из синего гипюра.

– Я, например, – в спешном порядке отложила лист Маринка, – несколько раз брала в руки кий.

Она застенчиво улыбнулась и еще раз стрельнула в бармена глазками. Я понимала причину ее живого интереса. Молодчик принадлежал к той категории стройных, светловолосых, белозубых и широкоскулых мужчин, которые заставляли сильнее биться сердце моей секретарши.

– Инициатором этих игр, – благожелательно посмотрела я на бармена, – был некто Коромыслов Миша.

– А-а! – парень энергично заулыбался. – Он тут вчера всех замочил!

В словах бармена звучало искреннее восхищение.

– «Замочил», какое странное слово. А я думала, что это только наши чиновники и бандиты так выражаются. Прижилось словечко-то! – засмеялась я.

Парень немного растерялся.

– И что же, Слава, – прочитала я имя бармена на стойке, – долго Миша вчера здесь был?

Я томно вздохнула и облокотилась на стойку. От меня не укрылся тот факт, что мы стали привлекать внимание обладателей двух стриженных затылков на толстых шеях. Гул ударов начал редеть. А потные жирные физиономии братков подолгу не склонялись к зеленому сукну. Маринка была поглощена барменом, а тому, видно, очень хотелось почесать языком.

– Ушел около двух ночи, – усмехнулся он. – Вчера здесь был турнир – наш шеф выделил призы для занявших три первых места.

– Наверное, какая-нибудь мелочь? – Я решила поспособствовать тому, чтобы его словоохотливость не пропала даром.

– Не скажи, – повел он плечами, протирая стойку белоснежной салфеткой, – победитель должен был получить длинноногую блондинку на ночь.

– Значит, он ее не получил, – догадалась я.

– Получил, – Слава поставил передо мной рюмку с вином, – только не совсем то. Выбрали что-нибудь? – он склонился к Маринке.

– Да, – решительно сказала она, но потом сразу сбавила обороты, – то есть нет. Вы мне сами что-нибудь сообразите.

– Соображают на троих, – снисходительно улыбнулся бармен, – может быть, «Солнце пустыни»?

– Ага, – согласилась Маринка, – давай «Солнце...».

Он отмерил ингредиенты в шейкер и, ловко встряхивая его, придвинулся ко мне.

– Шеф, как я уже сказал, – продолжил он, – учредил три приза: пятьсот рублей, тысячу и первый приз – пятьдесят баксов. Ближе к ночи, когда уже осталось только три претендента на победу, он отправил Гошу – это его зам – за девочкой. Гоша вернулся примерно через час

и сказал, что за эти деньги на ночь никто не соглашается. Шеф разорался, а тут еще один кент был, такой в костюмчике, как шпион. Он говорит, да я, мол, дешевле найду. Ладно, говорит шеф, делать-то нечего, надо обещание выполнять – найдешь дешевле, сдачу можешь оставить себе. Вот тебе машина, вот Гоша в помощь, двигай, не тяни.

Слава прекратил смешивать коктейль, открыл шейкер и вылил содержимое в высокий бокал. Украсил его долькой апельсина, сунул соломинку и пододвинул Маринке:

– Пожалуйста.

Маринка жеманно поблагодарила, обхватила губами соломинку и потянула в себя золотистый напиток.

– О-о! – восхищенно произнесла она. – Очень даже гуд.

– Стараемся, – белозубо улыбнулся Слава и снова повернулся ко мне. Было видно, что ему не терпится закончить историю.

– Ну, – подбодрила я его, – и что же дальше?

Дальше выходило так. Слава, перебиваемый изредка посетителями, чтобы приготовить для них коктейль или налить чего покрепче, рассказал, что, пока Гоша с незнакомцем в костюме ездил за призом для победителя турнира, у столов развернулось настоящее сражение, но победа Коромыслова почти ни у кого не вызвала сомнения. Когда же появился приз, то Мишин пыл тут же поубавился. Не то чтобы девица, которую доставили, слишком уж страшна, нет, она была, в общем-то, ничего. Но на первый приз она явно не тянула. Поэтому, как заметили и другие, Миша начал поддаваться, чтобы занять почетное второе место. Но так как играл он все же сильнее двух других бильярдистов, то проиграть просто не смог. Поэтому, подбадриваемый проигравшими, а в особенности призерами, он часа в два ночи в сопровождении своего подарка отправился домой.

Девицу, с которой ушел Коромыслов, Слава, к сожалению, не знал, но описал ее довольно подробно. Мы вместе с Маринкой посмеялись над его рассказом, чтобы таким образом отблагодарить его за старания, но смех наш, честно говоря, был довольно грустным, так как в отличие от бармена мы знали дальнейшую Мишину судьбу.

После этого я спросила у Славы, как бы нам повидаться с заместителем его шефа.

– Он еще не приходил, – заявил бармен, – хотя нет, уже пришел.

Он показал на плотного мужчину среднего роста в темно-сером длинном пуховике, пробиравшегося через зал.

– Игорь Аркадьевич, – позвал его Слава, – можно вас на минутку?

Распространяя вокруг себя запах дорогого парфюма, мужчина в пуховике приблизился к стойке. У него было круглое лицо с маленькими глазками и нос картошкой. Щуря глаза, отчего они казались совсем щелками, он поднял вверх маленькую ладошку.

– Славик, привет, – смешно сморщился он. – Как делишки?

– Идут, Игорь Аркадьевич, – кивнул в ответ бармен. – Тут вот у девушек вопросы к вам. Игорь Аркадьевич озабоченно взглянул на нас с Маринкой.

– Что-нибудь случилось?

Славик молча пожал плечами. Кто тебя за язык-то тянул, ругнулась я про себя в его адрес. Но ситуацию надо как-то исправлять. И я поспешила успокоить Игоря Аркадьевича.

– Нет, Игорь Аркадьевич, ничего не случилось, – с натянутой улыбкой произнесла я. – Может, присядем за столик?

Славик, видно, надеявшийся услышать что-то интересное, вытянул губы от досады. Но я не хотела, чтобы он присутствовал при разговоре. Собственно, и разговора-то особого не было. Игорь Аркадьевич любезно прошел с нами к столику, и я сообщила ему, что победитель их вчерашнего турнира, наш с Маринкой знакомый и коллега, найден сегодня утром в своей квартире с перерезанным горлом. Поэтому я бы хотела узнать, если это не секрет, конечно,

где Игорь Аркадьевич нашел ту девицу, которая послужила вчера призом и которую выиграл на свою голову Миша.

– Я ее не знаю, клянусь, – Игорь Аркадьевич сложил маленькие ручки на груди, – это Шурик с ней договаривался, а я в машине сидел.

– Но хоть как ее зовут-то, вы знаете?

– Люда, кажется, – неуверенно произнес он, – или Люся. Да, точно Люся.

– Это одно и то же, – заметила я. – А кто такой этот Шурик, он здесь часто бывает?

– Нет, – замотал головой Игорь Аркадьевич, – я его вчера первый раз увидел. Он странный какой-то, всю дорогу простоял возле столов, но за кий так ни разу не взялся.

– Может быть, кто-нибудь из ваших завсегдатаев его знает? – закинула я удочку.

– Это я могу узнать, – часто заморгал Игорь Аркадьевич. – Прямо сейчас.

Он поднялся и направился сначала к стойке бара, а потом к бильярдным столам, где лениво катали шары несколько мужчин.

– Видно, Аркадьевич за репутацию своего заведения дрожит, – с жалостной усмешкой сказала Маринка, когда он нас покинул.

– Ты бы тоже дрожала, если бы у тебя такое случилось, – я допила вино и, поставив бокал на стол, закурила.

– Ты думаешь, Мишку уколошила проститутка? – сменила Маринка тему.

– Я нашла в Мишиной ванной женские шелковые трусики и флакон духов, – задумчиво произнесла я. – Ты думаешь, Миша пользовался духами и носил дамское белье?

– Духами-то он точно не пользовался, – встрепелась Маринка, польщенная тем, что ей предоставлено право на равных со мной принимать участие в расследовании, – а вот насчет белья не знаю. Сейчас такое кругом творится!.. – приподняла она плечи как настоящая аристократка. – Сам черт ногу сломит.

– Это точно, – согласилась я, – но только так было всегда, а сейчас мы просто больше об этом знаем. Вот так, голубушка, это называется свободой слова.

– А мне кажется, это называется извращением, – пылко заявила Маринка, оставив свой коктейль. – По-моему, женщина должна носить женские вещи, а мужчина – мужские.

– Между этими понятиями такая условная грань, – слабо улыбнулась я, – что не ровен час ошибешься...

Возникший у нашего столика Игорь Аркадьевич прервал мою мысль, которую я собиралась развить.

– Нет, – сказал он опускаясь на стул, – никто этого хлыща не знает. Если у вас больше вопросов нет, то я пойду, мне нужно работать.

– Еще секундочку, Игорь Аркадьевич, – задержала я его. – Откуда вы брали вчера проститутку?

– Не я, – уточнил он, – а Шурик. А взял он ее от ресторана «Театральный».

– Вы о чем-то разговаривали с ней, когда ехали в машине?

– Нет, – предельно лаконично ответил Игорь Аркадьевич.

– А на какой машине вы ездили? – задала я последний вопрос.

– Машину давал Владислав Петрович, это наш босс, так сказать, – пояснил Игорь Аркадьевич. – Синяя «Вольво-740».

Игорь Аркадьевич так и сидел с нами, не снимая своего пуховика, на протяжении всего разговора. Он уже начал пот вытирать большим клетчатым платком, но почему-то верхней одежды не снимал. Когда я поблагодарила его, он направился к двери, расположенной неподалеку от барной стойки, и исчез за ней.

– Ну что, – Маринка выразительно посмотрела на пустой стакан, а потом на меня, – продолжим?

– Не сейчас, – сказала я, поднимаясь, – сначала мы кое-куда должны прокатиться.

Глава 3

– Далеко? – встревожилась Маринка, поднимаясь следом за мной.

– Да нет, здесь рядом, – успокоила я ее, – навестим жриц любви.

Мы оделись и вышли на улицу, где в машине нас поджидал Виктор.

– Ты не устал ждать? – Я села на переднее сиденье, предоставив в Маринкино распоряжение заднее.

Виктор неопределенно пожал плечами, что могло означать как «что ж мне уставать, работа-то сидячая», так и «могли бы и побыстрее управиться». Иногда я не вполне его понимаю, впрочем, он от этого, по-моему, не страдает. Собственно, зачем я его спросила, не устал ли он, я тоже не совсем понимала. Скорее всего это просто проявление заботы по отношению к нему, в чем он, впрочем, не очень-то нуждается. Возможно также, что я спросила его об этом совсем по другой причине, например, чтобы успокоить свою совесть. Ведь мы могли бы взять его с собой. Ну да ладно, кажется, я совсем запуталась.

– Ресторан «Театральный», – сказала я и закурила.

Виктор запустил двигатель и уверенно вывел машину со стоянки.

«Театральный» располагался неподалеку от центральной площади города, на которую смотрели окна областной администрации. Это соседство, однако, не мешало представительницам древнейшей профессии буквально под носом у отцов города зарабатывать себе на пропитание. Нельзя сказать, что власти совсем уж ничего не делали, чтобы избавиться от подозрительного соседства. Недавно, например, провели очередную кампанию.

Подъезжавшие машины, к которым не спеша подходили девицы, стали скрытно снимать на видеокамеру, а потом показывать номера машин по местному ТВ в утренних новостях. Кампания эта (некоторые правдолюбцы, которые наверняка никогда не пользовались услугами такого сорта девиц, заявляли в прессе, что этой съемкой, мол, нарушаются права человека) вскоре бесславно завершилась, как и большинство других, а вот девицы у «Театрального» остались, и машины там по-прежнему тормозили, дабы увезти с собой очередную девицу, а то и двух-трех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.